

Мира Ле

ЭРЕШКИГАЛЬ

Что ты готова стереть,
чтобы твоя жизнь обрела смысл?

Мира Ле
Эрешкигаль

«Автор»

2026

Ле М.

Эрешкигаль / М. Ле — «Автор», 2026

Кира Восс потеряла семью. Погибли шестьсот двенадцать человек, и её родители среди них. Официальная причина — «отказ оборудования». Три года она не задавала вопросов: не читала отчётов, не смотрела записей, просто возила чужие грузы от станции к станции и не оглядывалась. Так было безопаснее. Потому что где-то в подсознании она уже знала правду и держала эту дверь закрытой. А потом ей предложили сделку: всю правду о её семье в обмен на одно. Активировать Эрешкигаль — устройство, которое не убивает и не пытается. Оно всего лишь показывает тебе тебя настоящего.

© Ле М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Что помнит чип	5
Глава 2 Цена информации	7
Глава 3 Контур двери	9
Глава 4 Чего стоит подчинение	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эрешкигаль

Глава 1 Что помнит чип

Кровь была из её руки.

Это она поняла первым делом. Она лежала неподвижно на полу грузового отсека и методично восстанавливала картину — так, как учил её Орин: начни с того, что знаешь, и двигайся вширь. А она знала, что её левая ладонь прижата к холодному металлу и металл влажный и влага её собственная. Порез поперёк основания ладони, неглубокий. Она упала на что-то. Или кто-то положил её сюда.

Она открыла глаза.

Отсек был тёмным, не считая аварийной полосы вдоль основания дальней стены: та разливалась по всему пространству низкое янтарное свечение, от которого тени выглядели мягкими. Ничего мягкого здесь не было. Она видела три ящика, стоящие у переборки, один открытый и разграбленный, пенопластовая набивка выдернута кусками. Её куртка лежала на полу в шести шагах. Ботинки оставались на ногах.

Она медленно села. В голове что-то зазвенело — как по тарелке ударили — и стихло.

Чип был во внутреннем кармане куртки. Она знала это прежде, чем добралась до нее, чтобы проверить так же, как знала своё имя и стыковочный код станции, и лицо человека, продавшего ей куртку три года назад на рынке в переходе на Тессаваре. Не мысль — просто факт, присутствующий и непосредственный. Она склонилась над курткой и проверила внутренний карман.

На месте.

Она оглядела его в янтарном свете. Меньше ногтя. Угол повреждён — тонкая трещина, которой она прежде не замечала, или не позволяла себе замечать. Кто-то попытался вскрыть его и не смог. Данные внутри должны были сохраниться. Скорее всего.

Не надо.

Она говорила себе это одиннадцать дней.

Она убрала чип в карман и встала. Колено ныло там, где она ударилась об пол. Она осторожно перенесла на него вес — выдержало. Вокруг неё грузовой отсек гудел на низкой частоте — звук рециркуляционных систем станции, звук, в котором она выросла, такой постоянный, что регистрировался как тишина, — пока вдруг не переставал звучать.

Она надела куртку.

Чип лежал у неё под ребром.

Ночной рынок на четвёртом подуровне ещё работал, когда она туда добралась, — значит, она была без сознания меньше четырёх часов. Она прошла мимо прилавков, не останавливаясь: жареный белок — запах долетал за тридцать метров, контрабандные навигационные карты разложены плашмя на раскладных столах, человек, торгующий медикаментами из чемодана, который явно совсем недавно принадлежал кому-то другому. Торговцы смотрели ей вслед. Здесь её знали — не по имени, а по типу: из тех, кого не ищут, если сделка пошла не так.

Она нашла Марета на его обычном месте в глубине, за висячей тепловой занавеской, призванной обозначить приватное пространство, но добивавшейся лишь ощущения исповедальни. Он ел. Он поднял взгляд, когда она вошла, и лицо его не изменилось — а значит, он уже слышал про отсек.

— Ужасно выглядишь, — сказал он.

— Мне нужен ридер.

— Ридер у меня есть. — Он продолжал есть. Что-то коричневое и слоистое, слегка дымящееся. — Дам ли я им воспользоваться — зависит от того, что ты собираешься читать.

— Правда?

— Ты пришла через девятый стыковочный. Человек, с которым ты должна была встретиться у девятого стыковочного, сейчас остался без уха и значительной части репутации. — Он отложил вилку. — Так что да. Зависит.

Кира положила обе руки на стол. Порез на левой ладони запёкся коркой, но давление заставило его зануть — чистая, конкретная боль, которая помогала думать. Она смотрела на Марета, пока он не посмотрел в ответ.

— Один раз прочитать, — сказала она. — Ты не видишь, что на нём.

— Это не—

— Один раз. Потом я уйду, и ты меня не видел.

Марет помолчал. Он был осторожным человеком — именно поэтому ещё жил, — и сейчас его осторожность работала против неё. Она видела, как он прикидывает. Ждала.

— Ридер в кейсе под столом, — сказал он наконец. — Пять минут. Потом придут гости.

Она выдвинула кейс ногой и открыла его, не садясь. Ридер был армейским сёрплюсом, старше её, корпус треснут с одной стороны и небрежно заделан герметизирующей лентой. Она вставила чип.

Загружалось медленно.

Потом из маленького динамика пришёл голос матери — ровный и тихий, диктующий цифры, которых она не узнавала, в порядке, похожем на код. За голосом, едва слышно, шум вентиляции на цикле. Потом второй голос — мужской, отрывистый, с акцентом, который она связывала с Внешними Станциями, — а потом тишина, и потом мягкий звук чего-то подписываемого.

Временная метка гласила: четырнадцать месяцев до Кассинийского инцидента.

Кира остановила воспроизведение.

Она стояла с рукой над ридером, и янтарный шум рынка двигался вокруг неё, и Марет смотрел на неё с другой стороны стола, с вилкой в руке и остывающей едой.

— Готово? — сказал он.

Она вытащила чип.

— Готово, — сказала она.

Она прошла обратно сквозь тепловую занавеску, вышла на рынок и продолжала идти. Она не смотрела на свои руки. Она уже знала, что они не дрожат, и не хотела думать о том, что это означает.

Глава 2 Цена информации

Покупателя звали Сев.

Она работала с ним дважды, оба раза без происшествий, что по её опыту означало либо что он надёжен, либо что он ждал чего-то, стоящего хлопот. Она думала об этом по дороге на встречу. Думала и отгоняла мысли прочь, потому что думать не изменит ничего, а ей нужны были свободные руки.

Встреча была на седьмом подуровне, в техническом коридоре за блоками водоочистки. Хорошее место для той разновидности встреч, которые не должны были происходить: достаточно шумное, чтобы заглушить голоса, достаточно жаркое, чтобы большинство людей его избегало, и достаточно далеко от узлов безопасности, чтобы запись выходила низкого разрешения и медленно обрабатывалась. Она сама использовала его дважды. То, что Сев выбрал именно его, значило: он понимает то же, что понимает она.

Она пришла на восемь минут раньше и встала в темноте у дальнего конца коридора и слушала.

Блоки очистки стонали и щёлкали. Пар двигался по трубам над головой. Где-то в глубине инфраструктуры что-то капало в медленном, терпеливом ритме — одна капля, потом другая, потом пауза достаточно долгая, чтобы она всё время ждала, когда это наконец прекратится.

Это не прекращалось.

Сев пришёл в условленное время, и это было первым неправильным знаком. Люди, что-то планирующие, приходят заранее. Люди, приходящие точно по расписанию, разыгрывают пунктуальность, а разыгрывание означает аудиторию.

Она дала ему пройти половину коридора и только потом двинулась.

— Сев.

Он остановился. Широкий человек, невысокий, с особенной неподвижностью того, кто выработал в себе привычку не реагировать. Свет с полосы над блоками очистки падал на левую сторону его лица, остальное тонуло в тени.

— Он при тебе? — сказал он.

— Сначала поговорим о цене.

— Мы договорились о цене.

— Мы договорились о числе, — сказала она. — Я пересматриваю число.

Он помолчал. Она следила за его правым плечом. Люди выдают намерение плечом прежде, чем руки успевают подхватить, — ещё одно из того, чему учил её Орин, в другом коридоре на другой станции, давно, когда она ещё была человеком, которого нужно учить таким вещам.

— Чип, — сказал Сев. — Дай мне чип, я дам тебе перевод. Как договорились.

— Сначала покажи устройство.

Он потянулся рукой в пальто. Она следила за его плечом, и плечо опустилось немного неправильно, и она уже двигалась, когда рука вышла — не с консолью перевода, а с чем-то плоским и чёрным, направленным ей в центр корпуса.

Коридор был узким. Это было в её пользу.

Она ушла влево, к трубам, и почувствовала, как выстрел прошёл мимо — не совсем звук, скорее смещение воздуха рядом с ухом. Она ударилась плечом о кожух трубы и оттолкнулась, сокращая дистанцию прежде, чем он успел поправить прицел. Он был шире её и медленней, и сделал ошибку — выстрелил раньше, чем заговорил, — а значит, испугался. Испуганные люди целятся в середину и спускают курок слишком рано.

Она подставила предплечье под его руку с оружием.

Второй выстрел ушёл в потолок.

То, что произошло дальше, заняло примерно четыре секунды. Она помнила это так, как помнила большинство быстро происходящих вещей: фрагментами, каждый чёткий и отдельный, как фотографии события, а не само событие. Его запястье. Стена. Звук, который он издал. Его вес, падающий вниз.

Она стояла над ним и дышала.

Капанье прекратилось. Или она перестала его слышать.

Она убедилась, что он мёртв — она была основательна в этом, потому что некоторые вещи хуже, чем ошибиться в сделке, и ошибиться в том, мёртв ли кто-то, была одной из них, — а потом взяла оружие, его консоль перевода и небольшой накопитель данных, который нашла во внутреннем кармане его пальто. Она вытерла накопитель о его рукав и вставила в ридер.

Зашифровано. Стандартное коммерческое шифрование, не военное — значит, она могла взломать его, имея время, которого у неё сейчас не было.

Она убрала накопитель в карман.

Коридор был по-прежнему пуст. Пар двигался. Выстрел, который она отклонила, оставил чёрный след на потолочной панели — краска прогорела до голого металла. Она смотрела на него некоторое время, прикидывая: три сантиметра левее — задел бы челюсть. Два сантиметра. Может, меньше.

Она вернулась по коридору и вышла через технический люк тем же путём, что пришла.

Она разделась и вымылась в санитарном блоке на третьем уровне — холодной водой, потому что горячая измерялась по счётчику, а она уже тратила кредит, которого у неё не было. Порез на руке открылся снова. Она перевязала его полосой ткани, оторванной от подкладки куртки — хорошая ткань, плотного плетения, выдерживает давление, — и сгибала пальцы, пока не убедилась, что держит.

В зеркале над умывальником она выглядела как обычно. Это она замечала и прежде, в другие скверные моменты: её лицо не соглашалось фиксировать то, что с ней происходило. Те же ровные глаза. Тот же разрез скул. Мать в архивных записях выглядела так же — диктуя координаты человеку, которого Кира до сих пор не знала в лицо, ровным голосом и неподвижными руками, и лицо не несло ничего.

Четырнадцать месяцев до Кассинийского инцидента.

Она выключила воду.

Накопитель в её кармане содержал что-то, ради чего Сев был готов убивать, — а значит, что-то, ради чего кто-то другой был готов платить Севу за убийство. Такова была структура. Она научилась думать в структурах, когда детали ещё отсутствовали — удерживать форму вещи прежде, чем могла разглядеть, что внутри.

Форма этой вещи была такова: кто-то знал о чипе. Кто-то знал, что он у неё и что на нём записано, и решил, что это проблема, требующая постоянного решения.

У неё было одиннадцать дней форы на эту проблему.

Она вытерла руки и ушла.

Глава 3 Контур двери

На накопителе было имя Ксан.

Не написанное, не подписанное — закодированное в архитектуре самого шифрования, так, как некоторые строители подписывают свою работу. Она видела это однажды — в транспортном манифесте, прошедшем через её руки три года назад, на который она тогда предпочла не смотреть внимательно. Манифест был на медицинское оборудование. Она не спрашивала, на какое.

Она сидела в техническом закутке у второго уровня с ридером на колене и вставленным накопителем, и частичная дешифровка раскинулась по маленькому экрану в янтарных колонках. Закуток пах машинным маслом и старым углеродом. Вентилятор крутился сверху — одна лопасть слегка погнута, — производя ритмичное заедание в своём вращении: плавно, плавно, толчок, плавно, — которое она осознала уже двадцать минут, так и не начав слышать настоящего.

Вергилий Ксан.

Она негромко произнесла имя вслух — не потому, что было нужно, а потому, что имена имеют вес, и она научилась проверять этот вес прежде, чем решалась нести его. Имя было тяжёлым. Оно было на вкус как некоторые металлы, если положить их в рот: не неприятно именно, просто неправильно.

Ксан публично управлял тремя вещами: консорциумом по добыче металлолома с двенадцатью лицензированными судами, фондом медицинских исследований с офисами на четырёх станциях и благотворительным эндаументом, финансирующим инфраструктурные проекты на Внешних Рубежах. Другие вещи он вёл менее публично, но их было сложнее документировать, и она обнаружила по опыту: то, чем человек занимается открыто, говорит о нём больше, чем то, что он скрывает. Скрытое рассказывает, чего он боится. Публичное — кем он себя считает.

Кем считал себя Вергилий Ксан: строителем.

Что сообщала частичная дешифровка: архив, который ей нужен, находится на станции под названием Тишина, зарегистрированной как медицинско-исследовательская установка, расположенной на расстоянии от ближайшего транзитного коридора, которое займёт одиннадцать дней по стандартному маршруту и значительно меньше по маршрутам, которых нет ни на одной официальной карте.

Она посидела с этим.

Потом подумала, кто из её знакомых летает маршрутами не по официальным картам.

Его звали Даван Реск, и она нашла его там, где всегда находила: в нижней столовой на втором подуровне, за едой, которую он не оплатил, и за чтением чего-то, что ему, вероятно, не следовало читать. Длинные ноги вытянуты под стол, ботинки скрещены в щиколотках — непринуждённость человека, который ни разу в жизни не беспокоился о том, что занимает слишком много места.

Он поднял взгляд, когда она опустилась напротив.

— Выглядишь так, будто кто-то пытался тебя убить, — сказал он.

— Пытался.

— Получилось?

— Нет.

Он обдумал это. Худощавый, старше её лет на десять, с лицом, состаренным не годами, а атмосферой: слишком много станций с плохой рециркуляцией, слишком много полётов через секторы, где радиационная защита была скорее теоретической, чем реальной. Левое ухо у него было восстановлено — хрящ чуть не такой, более гладкий, чем правый.

— Мне нужен проход, — сказала она. — Не по картам.

— Не по картам — это большая территория.

— Я знаю, куда мне нужно.

— Не об этом я спрашиваю. — Он сложил то, что читал, и положил на стол. — Я спрашиваю, почему кто-то только что пытался тебя убить и последует ли причина за тобой на мой корабль.

Кира положила консоль перевода Сева на стол между ними. Она уже стёрла с неё данные Сева и сбросила привязку счёта: понадобятся значительные ресурсы, чтобы отследить её назад, и даже тогда найдётся тупик, который она подготовила три месяца назад для другой непредвиденной ситуации. Она была основательна в тупиках. Обслуживала их так, как другие люди обслуживают оборудование.

Даван посмотрел на консоль. Не притронулся.

— Это не ответ, — сказал он.

— Это аванс.

— Всё равно не ответ.

Она посмотрела на него. Он смотрел в ответ. За стенами столовой мимо проплывали звуки коридора: шаги, далёкий лязг чего-то загружаемого или выгружаемого, детский голос, прерванный взрослым. Обычные звуки. Звуки станции, занятой своими делами и не знающей, что происходит в этом конкретном её углу.

— Причина, по которой кто-то пытался меня убить, — сказала она, — та же причина, по которой мне нужно добраться до архива. Если я доберусь до архива, причина исчезнет.

— Оптимистично.

— Структурно, — сказала она. — Разница есть.

Он помолчал. Потом взял консоль перевода и повертел в руках, проверяя так, как опытные люди проверяют вещи — смотря не на поверхность, а щупая, что под ней.

— Одиннадцать дней, — сказал он.

— Меньше, если знаешь маршруты.

— Маршруты я знаю. — Он положил консоль. — Мои условия.

— Говори.

— Лечу я. Ты не трогаешь навигацию. За чем бы ты ни шла, ты идёшь за этим одна: я не твоя группа эвакуации, не твоё прикрытие, и я не собираюсь ни ногой на объект Ксана.

Она не называла ему, чей это объект.

Вентилятор в коридоре за стенкой сделал ритмичный толчок — плавно, плавно, толчок — и она убрала это в сторону и посмотрела на осторожное лицо Давана, на его восстановленное ухо, на то, как его руки замерли на столе.

— Договорились, — сказала она.

Он кивнул один раз. — Уходим на третий звонок.

Она встала. Он уже разворачивал то, что читал, оседая в позе изысканной непринуждённости, — и она понимала, что это образ, выработанный за долгое время, и что под ним он уже просчитывает маршруты, риски и непредвиденные обстоятельства с той же методичной тщательностью, с которой она обслуживала тупики.

Они были, пожалуй, похожего рода людьми.

Она оставила его читать.

Глава 4 Чего стоит подчинение

За ней пришли на второй звонок.

Двое. Она услышала их прежде, чем увидела: не совсем шаги — скорее особое качество тишины, которая идёт впереди людей, обученных двигаться бесшумно и не вполне утративших привычку стараться. Она уже сидела на кровати в снятой койке, когда дверь открылась, — руки на виду, куртка сложена поперёк колен, вес чипа и накопителя равномерно распределён по внутренним карманам.

Первой вошла женщина, компактная, с серыми глазами, в одежде того рода невзрачности, которая сама по себе была формой. Второй был повыше, стоял чуть позади — значит, либо старший из них, либо тот, кто знает вариант, о применении которого ещё не решили.

— Кира Восс, — сказала женщина.

Не вопрос.

— Вы перепутали каюту, — сказала Кира.

— Кюта правильная. — Женщина шагнула внутрь. Высокий остался в дверях. — У нас правильное имя, правильное лицо и правильная причина быть здесь. Чего у нас пока нет — так это подтверждения, что ты стоишь времени человека, на которого мы работаем.

Кира посмотрела на свои руки. Потом подняла взгляд.

— Как выглядит подтверждение?

Женщина извлекла из пальто небольшое устройство — рекордер, старой модели, из тех, что одновременно записывают голос и биометрические данные и которые нельзя подделать без оборудования, которого у Киры на этой станции не было. Поставила его на край кровати.

— Заявление, — сказала она. — Под запись. О том, что вы по собственной воле обращаетесь к Вергилию Ксану, что не действуете в интересах какого-либо государственного, корпоративного или независимого следственного органа и что принимаете полную личную ответственность за любые последствия запрашиваемой вами встречи.

Кира помолчала.

Кюта была маленькой. Они втроём заполняли её почти целиком, воздух между ними тесный и тёплый, с едва уловимым химическим запахом рециркулированной атмосферы, которую она никогда не могла разложить на составляющие: просто запах станций, типовой и повсеместный и почему-то более одинокий, чем открытый вакуум. Через тонкую стену она слышала, как кто-то в соседней каюте двигается, — скрип рамы кровати, кашель.

— Это заявление, — сказала она, — лишает меня всей правовой защиты.

— Да, — сказала женщина. — Лишает.

— Если встреча пойдёт не так, у меня не будет выхода.

— Верно.

— А если я не дам его.

Женщина промолчала. Ей не нужно было говорить. Высокий в дверях чуть переступил с ноги на ногу — маленькое движение, почти ничто, из тех, что не заметишь, если не провёл годы, учась замечать.

Кира взяла рекордер.

Она держала его и чувствовала его вес и думала о голосе матери на чипе — ровном и неспешном, перечисляющем координаты человеку, чьё лицо она так и не увидела. Думала о временной метке. Четырнадцать месяцев. Кассинийский инцидент унёс шестьсот двенадцать жизней, и официальное расследование пришло к выводу об отказе оборудования, и отказ оборудования так и не был конкретизирован дальше этой фразы, и она провела три года, не глядя на то, почему.

Она нажала кнопку активации.

— Меня зовут Кира Восс, — сказала она. Голос вышел ровным. — Я обращаюсь к Вергилию Ксану по собственной воле. Я не действую в интересах какого-либо государственного, корпоративного или независимого следственного органа. Я принимаю полную личную ответственность за любые последствия запрашиваемой мной встречи.

Она положила рекордер обратно на кровать.

Женщина с серыми глазами подняла его, не глядя. Она смотрела на Киру — с тщательным вниманием того, кто проверяет готовую работу. Не подозрительно, скорее профессионально. Взгляд человека, чья работа — читать людей, и который сейчас читает её.

Что бы она ни нашла, оставила при себе.

— Третий уровень, концерт. Дальний конец, за грузовыми отсеками. Завтра на первый звонок. Приходи одна.

— Буду, — сказала Кира.

Женщина повернулась и вышла. Высокий последовал за ней, притворив дверь с точностью, которая предполагала: он ни разу в жизни ничего не хлопнул.

Каюта была тихой.

Кира сидела на краю кровати и не двигалась долгое время. Индикатор записи рекордера погас. Человек в соседней каюте перестал двигаться. Станция гудела своим постоянным гулом — звуком, который не звук, частотой, живущей ниже слуха и регистрирующейся как лёгкое давление за грудиной.

Она подписала отказ от защиты. Если люди Ксана решат, что она проблема — до встречи, после, в другой жизни, — теперь есть запись о том, что она приняла всё, что бы ни случилось. Это был чистый документ. Он выдержит. Она написала достаточно таких документов для других людей, чтобы точно знать, как хорошо он выдержит.

Она думала о том, чтобы пойти в каюту Давана и сказать ему, что они уходят сейчас, третий звонок будь проклят.

Она думала об этом внимательно, поворачивала так и этак, рассматривала с нескольких сторон.

Потом легла на спину и уставилась в потолок и стала ждать первого звонка.

Сон пришёл в конце концов — не отдых именно, скорее своего рода подвешенность: тело делает то, что ему нужно, пока разум держит себя чуть в стороне, настороже, отслеживает звуки и движения и качество воздуха. Она спала так годами. Перестала замечать, что это не то же самое, что сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.